

Ло Минь дрогнул. Помолчав, тяжело вздохнул:

— Сяо Лэй, я не знаю, как мне с тобой быть. Теперь, когда ты использовал меня, чтобы схватить Гуй Цю, об этом, наверное, уже все говорят. Мне и лица показать неловко, а ты ещё чего-то хочешь? Ты же знаешь — моё сердце принадлежит Юй-гэ, и я давно женат. Я очень благодарен тебе за твои чувства, но не более того. Я не могу ответить тебе взаимностью, и думаю, тебе стоит найти более подходящую пару. Теперь, когда ты выбрал путь полицейского, я, конечно, не против. Как твой старший брат, я тебя поддержу. Но, Сяо Лэй, сегодня ты использовал меня, чтобы схватить Сяо Цю, а завтра, может, снова используешь для кого-то ещё? Если я не отстранюсь от тебя, останусь в полном одиночестве. Ты ведь это понимаешь?

Ши Лэй стоял на обочине, слушая, как Ло Минь тихо кладёт трубку, и с тоской смотрел на бегущие по небу облака. Сердце его ныло.

Ло Минь отложил телефон и задумчиво уставился в окно.

Это был коттеджный посёлок в отдалении от города. Большинство вилл принадлежало бизнесменам, наезжавшим сюда на отдых, поэтому обычно здесь царили тишина и покой.

Вилла Ло Миня была ближе всех к морю. Из окна открывался вид на бирюзовую воду, такую прозрачную, что видно дно. Волны одна за другой накатывали на белоснежный песок, сверкая на солнце. Но на душе у него было пасмурно и тяжело.

Вэй Тяньюй сидел рядом, улыбаясь и утешая:

— Ладно, не горюй. Если разобраться, то, что Сяо Лэй смог попасть в Интерпол, — дело хорошее. Ты же не хочешь, чтобы он вернулся в преступный мир?

Ло Минь подумал — и впрямь, настроение чуть прояснилось. Потом снова вздохнул:

— Самое смешное, что хотя мы втроём тогда и стояли друг против друга с оружием, и я, и Сяо Цю понимали: поднять на него руку мы не сможем. А он, молодой да горячий, непременно хотел сделать по-своему и арестовать. Дело-то одно на всех, а объяснить ничего нельзя, вот и вышло как вышло.

— Да что тут такого? — усмехнулся Вэй Тяньюй. — При выполнении заданий всегда случаются недопонимания и связанные с ними опасности. Помнишь, как мы в Золотом Полумесяце за Гусманом гонялись? Убьют тогда — и всё. Мы привыкли и на Сяо Лэя зла не держим. Но чтобы вырвать человека у него из-под носа, придётся его спесь немного поубавить.

Ло Минь обдумал его слова и, согласившись, окончательно отпустил тяжёлые мысли. Они вдвоём принялись детально обсуждать план спасения.

В доме были только они; остальные члены общества «Жиюэ» расположились на первом этаже и у ворот, готовые в любой момент выступить.

Вскоре пришли новости: террористы, удерживающие заложников в «Шангри-Ла», выдвинули новое требование. Они хотят, чтобы полиция выдала арестованного Гуй Цю. Увидят его перед собой — немедленно отпустят большую часть заложников. В знак доброй воли они уже освободили женщин, стариков и раненых. Теперь у них в руках остались только мужчины средних лет, среди которых есть и богатые бизнесмены из разных стран, приехавшие на яхтенные гонки, — личности важные.

Требование не такое уж невыполнимое, но начальник полиции даже не знал, что Гуй Цю уже задержан в стране Б. Он тут же начал наводить справки. Вскоре выяснилось: Гуй Цю действительно арестован сегодня на рассвете в море агентами Интерпола и содержится в изоляторе Наньгана. Чтобы доставить его на место, необходимо согласование с Интерполом.

Едва Ши Лэй получил звонок от коллеги, он поспешил в изолятор. Полиция страны Б требовала доставить Гуй Цю на место, чтобы спровоцировать террористов на действие и получить шанс освободить заложников. Интерпол, естественно, пообещал полное содействие. Ши Лэй не понимал, откуда у тех такая осведомлённость и почему они требуют именно его для обмена. Он решил сначала допросить арестанта.

В изоляторе его встретили радушно. Полицейский с улыбкой налил воды. Ши Лэй поблагодарил и тут же спросил:

— Где Гуй Цю? Мне нужно его видеть. Немедленно.

Тот равнодушно махнул рукой:

— А, они его там приводят в порядок. Сейчас приведут.

— Приводят в порядок? — Ши Лэй нахмурился, не понимая. — Как это?

— Моют, — полицейский усмехнулся, сделав неопределённый жест рукой.

Ши Лэй почувал неладное. Он резко встал, но сдержался и спокойно сказал:

— Проводите меня, пожалуйста. Я посмотрю — никогда такого не видел, любопытно.

Полицейский оживился и закивал:

— Конечно, конечно, прошу за мной.

Ши Лэй быстро последовал за ним по длинному коридору. За железной дверью слышались грубый смех и шум воды.

Он ускорил шаг и, достигнув источника звука, увидел шокирующую картину.

В маленькой комнате без окон молодого убийцу раздели догола. Руки его были закованы в наручники и подвешены к железному кольцу в стене так, что он лишь кончиками пальцев едва касался пола. Несколько полицейских стояли за решёткой, держа в руках брандспойты и окатывая его мощными струями ледяной воды. Вода под высоким давлением била сквозь прутья, хлестала по его длинному худощавому телу, раскачивая его в воздухе. Он молчал, запрокинув голову, изо всех сил стараясь прикрыть лицо руками, чтобы не захлебнуться. Под серебристыми струями татуировка на груди — красное пламя — казалось, пылала ещё яростнее, а чёрный череп над ним усмехался ещё зловещее. На фоне этого рисунка кожа его была мертвенно-бледной.

Одного взгляда хватило, чтобы всё это, словно шило, вонзилось Ши Лэю в сердце. Он не выдержал и крикнул:

— Прекратите!

Полицейские, увлечённые забавой, недовольно обернулись. Смех стих, но шум воды отдавался в ушах ещё громче.

Ши Лэй не был их начальником и не имел права их отчитывать. Даже жаловаться пришлось бы по инстанциям. Испортить отношения с этими мелкими сошками — нажать себе проблем. Он сдержал гнев и мягко спросил:

— Вы разве приказа не получали?

— Какого приказа? — удивились они.

Полицейский, что привёл Ши Лэя, небрежно улыбнулся:

— А, только что начальство распорядилось — этого типа в «Шангри-Ла» везти, для обмена на заложников. Террористы его требуют.

Тут Ши Лэй сказал:

— Если вы его убьёте, начальству будет нелегко объясниться, верно?

Только тогда полицейские выключили воду — ту самую, что использовали для подавления бунтов, — и, довольны усмехаясь, сказали:

— Ладно, хватит. Говорят, крутой тип, а мы его мигом обломали.

Ши Лэй подошёл вплотную:

— Откройте.

Один из них достал ключи и отпер дверь. Ши Лэй немедленно вошёл, встал на цыпочки и расстегнул наручники.

Лин Цзыхань лежал с закрытыми глазами, весь мокрый, лицо его посинело. Запястья, слишком туго перетянутые сталью и долго бывшие на весу, распухли и стали багрово-красными. Как только наручники раскрылись, он соскользнул по стене и рухнул на пол.

Ши Лэй подхватил его, повернулся к полицейским за дверью и сказал:

— Полотенце. И одежду.

Раньше, после «помывки», заключённых предоставляли самим себе, так что полотенце никто не готовил. Переглянувшись и пасуя перед званием агента Интерпола, они принесли небольшое полотенце для рук и комплект тёмно-синей робы.

Ши Лэй, стиснув зубы, принялся вытирать им тело Лин Цзыханя. Полотенце быстро промокло насквозь, но кожа всё ещё была холодной и влажной, словно у ледяной статуи. Добравшись до левого плеча, он увидел, что перевязанная рана вновь сочится кровью, и бинты стали розовыми.

Одевать его было мучительно неудобно. Ши Лэй то и дело путался, и роба быстро промокла. В конце концов он подхватил Лин Цзыханя на руки, вышел из камеры и направился в служебное помещение.